

УДК 111**О вариантах синтеза философских суждений****Федяев Дмитрий Михайлович**

Доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии,
Омский государственный педагогический университет,
644099, Российская Федерация, Омск, ул. Партизанская, 4А;
e-mail: fedyayev@omgru.ru

Федяева Наталья Дмитриевна

Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка и лингводидактики,
Омский государственный педагогический университет,
644099, Российская Федерация, Омск, ул. Партизанская, 4А;
e-mail: ndfed@yandex.ru

Аннотация

Для мира философии характерно сосуществование противоречащих друг другу суждений и столкновение альтернативных точек зрения по большинству актуальных вопросов. В статье рассмотрены условия и некоторые варианты содержательного синтеза альтернативных философских суждений. Особое внимание уделено общей особенности синтеза: его основой, как правило, становится включение элемента, изначально не присущего синтезируемому суждению. Авторы рассматривают несколько вариантов таких синтезирующих элементов и демонстрируют их роль в формировании новых философских концепций. Кроме того, в статье предпринята попытка реализации эвристических возможностей содержательного синтеза применительно к одному из вопросов философской герменевтики.

Для цитирования в научных исследованиях

Федяев Д.М., Федяева Н.Д. О вариантах синтеза философских суждений // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Том 13. № 9А. С. 12-22.

Ключевые слова

Анализ и синтез, синтезирующий элемент, культура, история, машина, философская герменевтика.

Введение

Мир философии всегда отличался известной сумасшедшинкой, которая, впрочем, не смущает его обитателей. Она состоит в изобилии суждений, которые представляются, мягко говоря, чрезмерно острыми, содержащими очевидные крайности, если рассматривать их с позиции здравого рассудка. Впрочем, здравый рассудок в философском сообществе ценится не слишком высоко, насколько можно судить по некоторым высказываниям классиков. Так, И. Кант считал, что «апелляция [к здравому смыслу] есть не что иное, как ссылка на суждение толпы, от одобрения которой философ краснеет, а угождающий толпе остряк торжествует и упорствует» [Кант, 1965, с. 73].

Массив философии содержит множество острых суждений. Например, в широко известных вариантах философии истории предполагается наличие единственного ключевого фактора исторического процесса: разум, природа, экономика. Неужели не очевидно, что на ход истории влияет множество факторов? Вроде бы это очевидно, но, если мы сразу заявим, что исторический процесс детерминирован множеством факторов, мы едва ли поймем характер воздействия каждого из них. Да, действует и то, и другое, и третье, и четвертое, но как именно? Скорее всего многофакторность, заявленная априори, окажется не слишком содержательным суждением. Многофакторность очевидна, и только. Между тем суждение о единственном факторе требует серьезного обоснования, которое к тому же нередко реализуется в полемике с другими точками зрения, не только педантично, но и со страстью, ведущей к некоторым преувеличениям. Последующий синтез «односторонних» суждений, если он осуществляется или же будет осуществлен, имеет перспективу оказаться содержательным и продуктивным, поскольку эвристические возможности каждого из них более или менее ясны благодаря аргументам, выдвинутым в процессе обоснования.

Иной раз создается впечатление, что в массиве философского знания крайностей значительно больше, чем удачных вариантов их продуктивного синтеза, что аналитическая тенденция выражена более явно, нежели синтетическая. Анализ может быть неочевидным и непрописанным, но, для того чтобы сформировать особое мнение по какой-либо проблеме, надо учитывать наличие других мнений. Прежде чем заявить, например, что главной движущей силой исторического процесса является материальное производство, нельзя не учитывать, что имеются и не главные факторы, следует сформировать мнение по поводу возможностей влияния каждого из них на ход истории, то есть осуществить анализ. Что касается вариантов удачного синтеза различных мнений и, соответственно, версий решения какой-либо проблемы, то их сравнительно немного, хотя, разумеется, это мнение может носить и субъективный характер.

Мы будем исходить из гипотезы, согласно которой условием содержательного синтеза является поиск синтезирующего элемента, не присутствующего в конкурирующих версиях, и последующая реализация его эвристических возможностей. Материалами являются, во-первых, свидетельства о некоторых дискуссионных вопросах классической философии; во-вторых, современные работы, посвященные проблеме синтеза философских суждений; в-третьих, примеры применения герменевтического метода в историческом познании, позволяющего исследователю эмоционально сблизить прошлое с настоящим, что является формой постижения прошлого посредством его синтеза с настоящим.

Результаты и обсуждение

Рассмотрим некоторые известные варианты синтеза. Согласно учению элейской школы, нам не дано добраться из точки А до точки Б, а ползущую черепаху не догонит даже Ахилл. Как совместить эти суждения со свидетельствами чувств? Сущее допускает деление, а «если оно делимо, – говорит он [Парменид], – разделим его надвое, а затем каждую из двух частей – [опять] надвое, и если повторять это [дихотомическое деление] постоянно, то либо останутся некие предельные величины, наименьшие и неделимые (атома), а числом бесконечные, так что универсум окажется состоящим из наименьших, числом бесконечных [величин], либо [сущее] бесследно исчезнет, и разложится в ничто, окажется состоящим из ничего, однако и то и другое абсурдно» [Фрагменты ранних..., 1989, с. 303]. Предположение о пределе делимости, хотя бы и признанное Парменидом абсурдным, позволяет примирить чувства и разум: мы доберемся до точки Б, Ахилл догонит черепаху. Впоследствии же, как известно, неделимые далее фрагменты сущего, размещенные в пустоте, оказались основой одной из наиболее известных картин мира.

Не менее интересен вариант синтеза эмпиризма и рационализма, осуществленный У. Джемсом. Согласно его версии, «в непосредственный опыт включаются, помимо чувственного опыта, разнообразные волевые и сознательные импульсы, а также различные недифференцированные полусознательные и подсознательные психологические акты. Помимо этого, непосредственный опыт строится не из простых отдельных ощущений, объединяемых извне через посредство разумных понятий и процессов, как считали ранние эмпиристы; непосредственный опыт по существу является самодовлеющим и содержит в себе все необходимые различия и связи. Поэтому подлинный эмпиризм может быть обоснован самостоятельно, без обращения к аргументам рационализма» [Хилл, 1965, с. 284]. Таким образом, дискуссия эмпириков и рационалистов была своеобразно разрешена: рации введено в состав опыта, а к тому же еще воля и бессознательное.

Включение рации в состав опыта получило объяснение. Рационализм живет категориями. Однако «категории, как и все прочие понятия, возникают в результате стремления чувственного опыта к саморегулированию. Каждая из них имеет свою историю. Каждая из них была изобретена...каким-нибудь забытым Декартом или Локком седой древности. ... каждая из них была упрочена той пользой, которую она приносит людям» [Хилл, 1965, с. 285]. Таким образом, согласно У. Джемсу, в основе рации обнаруживается прошлый опыт. Совокупность опыта включает две составляющих: опыт наличный, получаемый в ходе современных исследований и опыт прошлый, результаты которого живут в нашем сознании и подсознании в форме устойчивых, универсальных понятий и идей.

В обоих случаях синтез осуществлялся за счет разрешения альтернативы путем включения синтезирующего элемента: в первом это неделимый фрагмент сущего, во втором – опыт прошлого, снятый в нашей психике. Очевидно, что третий элемент не очевиден, не есть нечто, лежащее на поверхности. Атом как предел делимости сущего есть только допущение, которое к тому же, судя по приведенному выше тексту, никоим образом не обрадовало его автора, но оказалось началом атомизма Левкиппа и Демокрита. Идея, согласно которой общие понятия есть осажденный опыт прошлого, если и не была высказана У. Джемсом впервые, то, по крайней мере, не была в то время слишком популярной.

Далее, в обоих случаях синтезирующий элемент появился в ходе рассуждения, нацеленного на обсуждение и оценку альтернатив, на результативность которого существенно влияют

внефилософские факторы. Так, например, атомизм, возросший на установлении предела делимости сущего, подкреплялся социально-психологическим фактором, а именно индивидуализмом греческого мира, который нередко противопоставляется прочности социальной связи, характерной для древнего востока [Нейсбит, 2012].

Случается, что идея синтеза приходит, когда начальный момент их противопоставления уже почти забыт, а синтезирующими факторами оказываются время и накопление знаний. Вспомним годы жизни эмпирика Ф. Бэкона (1561 – 1626 гг.) и рационалиста Р. Декарта (1596 – 1650 гг.). Если учесть, что большинство известных исследователей относит начало науки в ее современном понимании к XVII столетию, то версии основоположников эмпиризма и рационализма Нового времени были по сути дела предсказаниями будущего. Синтез У. Джемса (1842 – 1910 гг.) относится уже к развитой науке, которая убедительно демонстрирует синтез чувственных и рациональных составляющих.

Еще сюжет на ту же тему. Атомы, согласно Демокриту, вихрем несутся по вселенной и порождают все сложное. На вопрос, как именно они несутся, Демокрит отвечает, что направление их «падения» изначально единообразно, а меняется только в силу соударения атомов. Согласно Эпикуру, атомы ведут себя иначе, они способны на отклонение, причем спонтанное и непредсказуемое. Многообразны контексты этой дискуссии, ставшие в свое время предметом докторской диссертации Карла Маркса. «Примирение» пришло от синергетики применительно уже не к атомам в их древнегреческом понимании, а к системам. Пока система устойчива, ее поведение законосообразно и предсказуемо, в духе Демокрита. Неустойчивое же состояние ведет к бифуркации, результат которой может оказаться неожиданным. Какой именно из возможных вариантов «выберет» система, предсказать с полной уверенностью нельзя, подобно результату отклонения по версии Эпикура. Подтверждениями этой версии могут послужить факты из многих областей бытия, глубоко различных по своей природе, – механики, политики, быта и др.

Иной раз представляется, что синтезу различных воззрений на решение философских проблем может способствовать прояснение хотя бы одного из них – лаконичное, убедительное и совершенно понятное. Однако подобная возможность более формальна, нежели реальна. К примеру, Гегель пояснил, что есть объективное духовное начало, следующим образом. «Движение солнечной системы происходит по неизменным законам: эти законы суть ее разум, но ни солнце, ни планеты, которые вращаются вокруг него по эти законам, не сознают их. Таким образом, мысль, что в природе есть разум, что в ней неизменно господствуют общие законы, не поражает нас, мы привыкли к этому и не придаем этому особого значения...» [Гегель, 1935, с. 12]. Итак, естественные, природные процессы подчинены объективным законам – вот тезис, на котором основан объективный идеализм. Однако материализм построен на том же основании. Казалось бы, осознание общности оснований в свое время могло бы существенно снизить накал философской партийности, но этого не произошло. Возможно именно потому, что синтез продуктивен, если он не является преждевременным, осуществляется тогда, когда «односторонние» воззрения реализовали свои эвристические возможности.

Иной раз синтезу более всех остальных препятствуют социальные и политические факторы. Противостояние философского материализма и идеализма обострялось тем, что лидеры коммунистического движения сделали материализм основой политической идеологии. Основоположники марксизма-ленинизма считали, что философский материализм «соответствует фактам, взятым в их собственной, а не в какой-то фантастической связи»

[Энгельс, с.301], противостоит идеалистическим выдумкам. Революционному по своей природе рабочему классу принадлежит будущее, на него «работает» объективная логика исторического процесса, соответственно, он не нуждается в искажении действительности. Господствующие классы обречены, а потому подкрепляют свое общественное положение идеалистическими выдумками.

Время внесло коррективы в антитезу материализма и идеализма. Со временем рабочий класс в развитых капиталистических странах стал более состоятельным в финансовом плане, а относительно общей численности населения менее многочисленным, чем на заре капитализма в промышленно развитых странах. Существенно снизился накал его революционности. Соответственно и вопрос о соотношении духа и материи утратил свою вне-философскую остроту. Синтез же материализма и идеализма произошел в неявной форме, хотя бы в том, что современные философские учения обычно не оцениваются с партийной (в ленинском смысле термина) позиции.

Обобщенно говоря, альтернативные воззрения на ту или иную проблему различаются как точки зрения в буквальном значении этого понятия – с какой именно стороны мы видим объект. Их синтез необходим, а в перспективе неизбежен. Если же речь идет о философии в целом, предметом которой является мир, то перспективы синтеза выглядят несколько иначе. В философии имеются направления, течения и школы (кто именно «течет» и «направляется»). Школы, представляющие то или иное направление, существенно различаются шириной охвата философской проблематики и эвристическими возможностями, которые определены избранной позицией. Например, материализм и объективный идеализм охватывают практически полную совокупность философских проблем, но в рассмотрении вопросов душевной жизни отчасти уступают философии жизни и экзистенциализму. В этом глобальном масштабе стремление найти «общее решение», приемлемое для альтернативной школы, может оказаться тождественным утрате позиции, специфики перспективного направления исследований. Здесь возможный (и достаточно редкий) синтез сводится к появлению идей, которые утрачивают «школьный» характер и становятся философски универсальными, инвариантными. Таковы, например, некоторые положения классической диалектики.

В современной отечественной философии синтетическая тенденция явно выражена в работах Д.В. Пивоварова, в которых развивается метод, суть которого состоит в поиске и реализации эвристических возможностей синтезирующего элемента (будем так его называть, поскольку он не всегда оказывается именно третьим). Так, множество имеющихся дефиниций культуры он объединяет в три подхода: аксиологический, деятельностный и семиотический. Отмечается, что указанные подходы, несомненно, правомерны. Каждый из них по-своему описывает ту или иную реальную особенность основания культуры. Далее ставится вопрос: «Возможен ли такой обобщающий синтез главных современных концепций культуры, в котором культура, во-первых, представала бы как трехаспектное бытие (в единстве аксиологического, операционального и семиотического компонентов) и, во-вторых, рассматривалась бы как единство не всяких, а только особых ценностей, специфических схем действий и некоторых разновидностей информационных кодов?» [Пивоваров, Проблема синтеза..., 2011, с. 7]. Как известно, синтезирующим элементом оказался идеал, а культура была определена как идеалообразующая сторона человеческой жизни.

Рассматривая результаты дискуссии об идеальном, представленные тремя ключевыми версиями идеального, Даниил Валентинович находит неожиданный, если не экзотический

синтезирующий элемент – эйдолон (он же – эйдос, он же – истечение), при помощи которого Демокрит в свое время объяснял человеческое восприятие [Пивоваров, Синтетическая концепция..., 2011, с. 22].

Задача поиска содержательного синтеза решений той или иной проблемы может оказаться актуальным не только для философии, но и для других областей познания, например исторической науки. В наши дни весьма популярен культурно-философский метод, позволяющий исследователю постичь душу культуры, далеко отстоящей от современности на временной шкале, – герменевтика. Она позволяет интеллектуально и эмоционально приблизить ее к современной культуре, сделать ее понятной и переживаемой для нас. Достигнутый результат являет своеобразный синтез настоящего и прошлого.

Успешное применение герменевтического метода исследователем, согласно Х.-Г. Гадамеру, требует от него наличия некоторых качеств, которые автор «Истины и метода» называет ведущими гуманистическими понятиями. Это образование, здравый смысл, способность суждения и вкус. Образование понимается как подъем к всеобщему, который достигается за счет освоения иного. Здравый смысл по Гадамеру мало похож на здравый смысл по Канту, хотя содержание, напоминающее «мнение толпы», тоже присутствует. Он помогает нам понимать и чувствовать общий интерес, отдавать ему известное предпочтение перед личным, заботиться о себе скромно и мягко. Здравый смысл не вполне рационален, он «включает» чувство, когда возможности разумного предвидения оказываются исчерпанными. Способность суждения (снова не по Канту) есть способность применять свои знания, которой, как утверждает, нельзя научить, она есть или нет. Вкус понимается традиционно. Названные качества в их совокупности открывают возможность переживания прошлого, эмоционального вхождения в него, дополняющего рациональное его постижение [Гадамер, 1988].

Допустим, что исследователь прошлого обладает названными качествами и глубоко погружен в изучаемую эпоху. Результат же его труда обращен к другому – к читателю, который сосредоточен на других проблемах. Что может помочь ему эмоционально вжиться в читаемое? Обратимся к аналогии с философским прошлым, представленным работами классиков. Многие извлеченные из них идеи актуальны и в наши дни, «выглядят» свежо и живо. Возможно, дело в том, что классики смогли обнаружить элементы культуры, которые в их время были новы, но, как оказалось, сохранились до наших дней. Активные методы познания, которые были новостью во времена Канта, столь же активно применяются и сейчас. Стремление к изменениям, присущее культуре Нового времени, сменившее традиционализм древности и средневековья, присуще нашей, современной культуре. Наиболее глубокое и полное философское отображение оно нашло в диалектике Гегеля.

Продолжая тему синтеза, правомерно, на наш взгляд, задаться вопросом о том, возможно ли, стремясь к пониманию прошлого, найти реальный синтезирующий элемент, объединяющий прошлое и настоящее, присущий как нашей, так и прежним эпохам, общий феномен культуры. Возможно, таких элементов множество. Некоторые из них очевидны, например, типичные формы организации власти. Некоторые менее заметны. Рассмотрим примера ради один из таких неочевидных элементов. Это машинность как форма организации деятельности.

Машинное производство справедливо считается атрибутом индустриальной эпохи, началом которой стал промышленный переворот, ставший возможным благодаря мануфактуре, множеству изобретений, собранных воедино в рабочей машине, а также тому, что «была найдена новая неистощимая рабочая сила в виде паровой машины» [Грин, 2007, с. 823].

Доиндустриальная эпоха не знала машинного производства в его современном значении, но создала его предпосылку и в то же время сущностную характеристику – машинность. Машинностью мы называем общий принцип организации деятельности, предполагающий разделение целостной деятельности на отдельные операции и оптимизацию каждой из них. Машинность открывает возможность разнообразного комбинирования операций соответственно ожидаемым результатам [Федяев, 1998, с. 475]. Постиндустриальная эпоха осуществляет машинное производство вещей как нечто само собой разумеющееся, но ее характерной особенностью является распространение машинности на некоторые формы деятельности, которые традиционно считаются духовными.

Предпосылки машинной организации производства в древности традиционно связываются с метафорой мегамшины, введенной в научный оборот Л. Мэмфордом для характеристики технологических функций царской власти древневосточных государств. Во главе организации стоял единый мозг, эффективно действовал трансмиссионный механизм в виде армии писцов, надзирателей, руководителей и пр., организация в целом была построена по образцу, обеспечивающему неукоснительное выполнение приказов; отдельные «части» мегамшины специализированы. [Мэмфорд, 1986, с. 233].

Если на Древнем Востоке элементы машинности культивировались центральной властью, то в античном мире она шла от сельских хозяев. Своего рода вершина машинной организации была достигнута на древнеримских виллах. Высокая производительность труда была достигнута методами, применение которых повторилось спустя столетия усилиями Ф. У. Тейлора и его сторонников. 1. Индивидуальный подбор работников для некоторых особо важных работ. 2. Попытки создания благоприятного психологического климата, насколько это возможно в коллективе, состоящем из рабов. 3. Разработка норм выработки для каждого вида работ, подлежащих обязательному выполнению. 4. Демонстрация наиболее эффективных приемов выполнения каждого вида работ как форма обучения. 5. Попытки организации общей работы таким образом, чтобы каждый ее участник следовал за другим, т. е. общего замкнутого цикла, отчасти напоминающего конвейер. Результаты были в высшей степени впечатляющими. Так, «подсчитано, что затраты труда на обработку единицы площади, занятой под пшеницу, в Древнем Риме составляли 9,5 – 10,5 человеко-дня, а в начале двадцатого столетия в Парижском округе аналогичная работа требовала 12 человеко-дней» [Кузищин, 1990, с. 234].

Средневековье, завершившееся Возрождением, подготовило почву для мануфактурной организации труда. Не менее важным стало стремление средневекового ремесла к оптимизации орудий труда и изделий, что впоследствии сыграло свою роль в создании машинного инструментария.

Если доиндустриальная эпоха создала предпосылки машинного производства, то постиндустриализм выдвинул машинность за его пределы, что можно видеть, в частности, в литературном творчестве. Художественная литература в ходе своей длинной истории накопила множество элементов, применение которых оказывает определенное, многократно проверенное действие на читателей. Среди них определенные типы персонажей, ситуации, повороты сюжетов и пр. Таким образом, открывается возможность создания их комбинаций, способных производить определенное воздействие на эмоции читателя. Свободной реализации этой возможности, правда, мешает реализм как жанр и собственно реальность. Современный жанр «фэнтези» свободен от этих ограничений, в отличие от реализма, всегда уязвимо для критики: в Среднеземье или ином подобном месте может происходить все, что угодно, а потому ничто не мешает свободно комбинировать операции в их литературной форме подобно технологическим операциям в машинном цехе, ожидая предусмотренного результата.

Правда, фэнтези не может обойтись без чудес, что может «отпугнуть» скептически настроенных читателей. В лучших произведениях названного жанра эта проблема успешно решается: чудеса компенсируются элементами, укорененными в жизненном опыте читателей. Например, нравы Шира во «Властелине колец» Р.Р. Толкиена и даже некоторые особенности разговорной речи, живо напоминают о традиционной деревне каждому, кто ее хоть немного знает и любит, где бы она ни находилась. «Гарри Поттер» пробуждает воспоминания о школьной жизни или же живые впечатления о ней. Все школы в основе своей одинаковы, будь то Хогвартс или Омский педуниверситет. Всюду присутствует некоторая ревность между факультетами, более или менее интенсивная. Преподаватели, как и учебные предметы, делятся для студентов на любимых и нелюбимых, добрых и злых, студентам не дают спокойно жить задания, которые не хочется выполнять и др.

Образование (по крайней мере – отечественное) пошло по машинному пути, когда установка на знание сменилась установкой на компетентность.

Компетентность как способность решать профессиональные задачи образована множеством компетенций, подобно тому, как машинная технология представлена рядом операций, выполняемых в заданной последовательности. Вот одна из дефиниций компетентности, представленных в педагогической литературе. «Компетентность – результат образования, выражающийся в овладении учащимся определенным набором (меню) способов деятельности по отношению к определенному предмету воздействия» [Голуб, 2006, с. 7]. Способы уже разработаны, имеются в наличии в отшлифованном и стандартизированном виде, а компетентный субъект деятельности комбинирует их применительно к конкретной ситуации, то есть действует в индустриальном, машинном стиле.

Правда, в наши дни многие просто не знакомы с машинным производством, а потому доиндустриальная, индустриальная и постиндустриальная эпохи представляются жестко разделенными, а элементы их родства малозаметны. Тем не менее, в наши дни все знакомы с одним из продуктов и в то же время носителем самой идеи машинного производства – компьютером и, соответственно, с компьютеризацией – цифровизацией, сопровождающими едва ли не любой вид деятельности. Действие современного компьютера основано на комбинировании стандартных операций, выполнение которых было «отработано» еще на цифровых электронных приборах прошлого столетия (например, реализация логических функций «И», «ИЛИ», «НЕ»). Пользователь не нуждается в знании об этих процессах, так что происходящее внутри компьютера остается машинностью «в себе». Деятельность пользователя подчинена машинности «для нас» – необходимостью комбинировать стандартные операции управления работой компьютера, необходимые для получения нужного ему результата. Их последовательность определена поставленной задачей, отклонений быть не должно. Эта вариация машинности всегда с нами, а общая тенденция механизации объединяет в сознании три эпохи, во многом принципиально различные.

Заключение

1) Условием успешного синтеза является нахождение синтезирующего элемента и реализация его возможностей.

2) Продуктивное применение найденного элемента требует определенных объективных и субъективных условий. Объективные сводятся к «зрелости» конкурирующих версий, реализации их эвристических возможностей. Субъективные условия заключаются в способности понять реальные перспективы синтеза.

3) Не исключено, что синтетическая тенденция в познании окажется применимой за пределами «чистой» философии – в решении задачи герменевтического постижения прошлого в его содержательной и эмоциональной связи с настоящим.

Библиография

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. - М.: Прогресс, 1988. 700 с.
2. Гегель, 1935 – Гегель Г. Философия истории // Соч. В 14 т. М.; Л.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1935. Т. 8. 470 с.
3. Голуб Г.Б., Перельгина Е.А., Чуракова О.В. Метод проектов – технология компетентностно-ориентированного образования / Под ред. Е.Я. Когана. Самара, 2006. 285 с.
4. Грин Д.Р. История Англии и английского народа / 2-е изд., испр. и доп. М.; Кучково поле; Гиперборея, 2007. 888 с.
5. Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука. 1783. // Кант И. Соч. В 6-ти т. Т. 4. Ч. 1 М.: мысль, 1965. С. 67-218.
6. Кузищин В.И. Античное классическое рабство как экономическая система. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. 270 с.
7. Компетентностный подход в педагогическом образовании / Под ред. В.А. Козырева и Н.Ф. Радионовой. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. 392 с.
8. Мэмфорд Л. Техника и природа человека // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 225-239.
9. Нейсбит Р. География мысли / пер. с англ. Н. Парфеновой. М.: Астрель, 2012. 285 с.
10. Пивоваров Д.В. Проблема синтеза основных дефиниций культуры // Пивоваров Д.В. Синтетическая парадигма в философии: избр. Статьи / Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. С. 5-19.
11. Пивоваров Д.В. Синтетическая концепция идеального // Пивоваров Д.В. Синтетическая парадигма в философии: избр. Статьи / Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. С.19-27.
12. Федяев Д.М. Машина и машинность // Современный философский словарь/ Под общей ред. В.Е. Кемеров. 2-е изд., испр. и доп. Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск / Панпринт, 1998. С. 475-476.
13. Фрагменты ранних греческих философов. Часть I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. 576 с.
14. Хилл Т.И. Современные теории познания. М.: Прогресс, 1965. 533 с.
15. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Соч. 2-е изд. С. 269-317.

On the Variants of Synthesis of Philosophical Judgments

Dmitrii M. Fedyaev

Doctor of Philosophical Sciences,
Professor,
Professor, Department of Philosophy,
Omsk State Pedagogical University,
644099, 4A Partizanskaya str., Omsk, Russian Federation;
e-mail: fedyaev@omgpu.ru

Natal'ya D. Fedyaeva

Doctor of Philological Sciences,
Associate Professor,
Professor, Department of Russian Language and Linguodidactics,
Omsk State Pedagogical University,
644099, 4A Partizanskaya str., Omsk, Russian Federation;
e-mail: ndfed@yandex.ru

Abstract

The world of philosophy is characterized by the coexistence of contradictory judgments and the clash of alternative points of view on most pressing issues. The article examines the conditions and some variants of meaningful synthesis of alternative philosophical judgments. Special attention is paid to the general feature of synthesis: its basis, as a rule, is the inclusion of an element that is not initially inherent in the synthesized judgments. The authors consider several variants of such synthesizing elements and demonstrate their role in the formation of new philosophical concepts. In addition, the article attempts to realize the heuristic possibilities of meaningful synthesis in relation to one of the issues of philosophical hermeneutics.

For citation

Fedyayev D.M., Fedyayeva N.D. (2024) O variantakh sinteza filosofskikh suzhenii [On the Variants of Synthesis of Philosophical Judgments]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 13 (9A), pp. 12-22.

Keywords

Analysis and synthesis, synthesizing element, culture, history, machine, philosophical hermeneutics.

References

- Gadamer K.-G. (1988). *Istina i metod: Osnovy filosofskoi germeniviki* [Truth and Method: Foundations of Philosophical Hermeneutics]. Moscow: Progress. 700 p.
- Hegel G. (1935). *Filosofiya istorii* [Philosophy of History]. In *Sobr. Soch. v 14 t.* (Vol. 8, pp. 470). Moscow; Leningrad: Gos. sots.-ekonom. izd-vo.
- Golub G.B., Pereylygina E.A., Churakova O.V. (2006). *Metod proyektov – tekhnologiya kompetentnostno-orientirovannogo obrazovaniya* [Project Method – Technology of Competency-Based Education]. Edited by E.Ya. Kogan. Samara: Samara State University. 285 p.
- Green D.R. (2007). *Istoriya Anglii i angliyskogo naroda* [History of England and the English People] (2nd ed., rev. and add.). Moscow; Kuchkovo Pole; Hyperborea. 888 p.
- Kant I. (1783). *Prolegomeny ko vsyakoy budushchey metafizike, mogushchey poyavit'sya kak nauka* [Prolegomena to Any Future Metaphysics That Will Be Able to Present Itself as a Science]. In *Kant I. Sobr. Soch. v 6-ti t.* (Vol. 4, Part 1, pp. 67-218). Moscow: Mysl'.
- Kuzishchin V.I. (1990). *Antichnoe klassicheskoe rabstvo kak ekonomicheskaya sistema* [Ancient Classical Slavery as an Economic System]. Moscow: Moscow University Press. 270 p.
- Kompetentnostnyy podkhod v pedagogicheskom obrazovanii* [Competency-Based Approach in Pedagogical Education]. (2004). Edited by V.A. Kozyrev and N.F. Radionova. St. Petersburg: A.I. Herzen Russian State Pedagogical University. 392 p.
- Mumford L. (1986). *Tekhnika i pryroda cheloveka* [Technology and the Nature of Man]. In *Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade* [The New Technocratic Wave in the West]. Moscow: Progress, pp. 225-239.
- Naisbitt R. (2012). *Geografiya mysli* [Geography of Thought] (Transl. from English by N. Parfenova). Moscow: Astrel'. 285 p.
- Pivovarov D.V. (2011). *Problema sintesa osnovnykh definitsiy kul'tury* [The Problem of Synthesizing the Main Definitions of Culture]. In *Pivovarov D.V., Sinteticheskaya paradigma v filosofii: izbrannye stat'i* [Synthetic Paradigm in Philosophy: Selected Articles] (pp. 5-19). Ekaterinburg: Ural University Press.
- Pivovarov D.V. (2011). *Sinteticheskaya kontseptsiya ideal'nogo* [Synthetic Concept of the Ideal]. In *Pivovarov D.V., Sinteticheskaya paradigma v filosofii: izbrannye stat'i* [Synthetic Paradigm in Philosophy: Selected Articles] (pp. 19-27). Ekaterinburg: Ural University Press.
- Fedyayev D.M. (1998). *Mashina i mashinnost'* [The Machine and Machinism]. In *Sovremennyy filosofskiy slovar'* [Modern Philosophical Dictionary] (2nd ed., rev. and add.) (pp. 475-476). London, Frankfurt am Main, Paris, Luxembourg, Moscow, Minsk: Panprint.
- Fragmenty ranykh grecheskikh filosofov. Chast' I. Ot epicheskikh teokosmogoniy do vozniknoveniya atomistiki*

[Fragments of Early Greek Philosophers. Part I: From Epic Theokosmogonies to the Emergence of Atomism]. (1989). Moscow: Nauka. 576 p.

14. Hill T.I. (1965). *Sovremennye teorii poznaniya* [Contemporary Theories of Knowledge]. Moscow: Progress. 533 p.

15. Engels F. (n.d.). *Lyudvig Feyerbakh i konets klassicheskoi nemetskoi filosofii* [Ludwig Feuerbach and the End of Classical German Philosophy]. In *Sobr. Soch.*, 2-e izd., pp. 269-317.